

Зеленый треугольник

Три составные части, три источника диалектики зеленогорской архитектуры исследовал искусствовед Иван Саблин.

На съемке с аэроплана видны сразу и православная, и лютеранская церкви Териоки. Школа – третья архитектурная доминанта – появится только полвека спустя

Приезжающим из Петербурга Зеленогорск может показаться очень странным городом. И не городом вовсе, а так, бессмысленным сплетением кривых узких улиц, среди которых расставлены как попало старые и не очень дома. Дело не в том, что застройка здесь не слишком плотная и городок напоминает большой приморский парк с разнообразными павильонами. Больше всего удивляет отсутствие единого строгого плана, к которому нас приучил еще Петр I, так что невозможно, например, определить, какая улица в Зеленогорске главная и вообще где здесь центр. Даже дачные поселки под Петербургом строились на основе жесткой сетки параллельно-перпендикулярных улиц, а тут, за бывшей границей княжества Финляндского, – полнейшая анархия. Причиной тому не только сложный рельеф, те самые зеленые горки, по которым город получил свое теперешнее название. До 1940 года здесь вообще не было города, только «дачная местность» – своеобразное обозначение, не предполагавшее ни определенного центра, ни четких границ. Отсюда и путаная планировка, ведь в прошлом все эти улицы были тропинками, соединявшими разбросанные по большой территории дачи и хутора. Но то, о чем не подумали планировщики, с лихвой восполнили строители – творцы важнейших зданий-доминант. Им удалось придать Зеленогорску не только запоминающийся эффектный вид, но и логичную структуру. В ее основе лежит треугольник, в углах которого – три важнейшие постройки, контрастирующие по форме и содержанию. Каждая из них представляет одну из культурных составляющих этих мест. Два храма-старожила отвечают за финскую и русскую страницы истории Териоки, третий – храм нового типа, школа – напоминает о советском периоде. Удивительно, как сохранились эти столь разные сооружения. Расположенный неподалеку Сестрорецк когда-то также мог похвастаться мирным соседством церкви и кирпичи, но в советское время исчезли и та и другая (место православного храма заняло школьное здание). А ведь на протяжении XX века

Словно бы на границе двух культур, встретились в Зеленогорске творения двух епархиальных зодчих: самый северный храм Никонова и самый южный Стенбека. Финскому зодчему не довелось поработать в Петербурге, а свой самый смелый проект он осуществил примерно в те же годы в другом карельском городе – Койвисто (Приморск). Тамошний храм с имитацией грубой каменной кладки и башней необычной, пирамидальной формы во времена борьбы с религией уцелел каким-то чудом, тогда как больше половины петербургских церквей Никонова были разрушены или перестроены.

До революции на станции Териоки поезд останавливался на 15 минут. В буфете можно было купить горячие блюда, бутерброды, чай, молоко, прохладительные напитки

Накануне революции и обретения Финляндией независимости в Зеленогорск попадает еще один плодовитый финский мастер, на этот раз специалист по железнодорожным сооружениям Бруно Гранхольм. Именно им спроектировано большинство станций на направлении Хельсинки – Петербург, причем последняя перед Финляндским вокзалом получилась самой необычной. Ланская – настоящий шедевр рационального модерна 1910-х, блестяще предугадавший грядущие перемены. Увы, каждая следующая станция Гранхольма все менее интересна. Вот и вокзал в Зеленогорске мог удивить разве только размерами, несколько неожиданными в «дачной местности».

Здание пришлось восстанавливать после войны, но если в других подобных случаях (скажем, в Волховстрое) разрушенный и возрожденный из пепла вокзал по стилю стал напоминать павильоны ВДНХ, в Зеленогорске пошли по другому пути. Новое старое здание здесь мало похоже на сталинскую архитектуру (примеров которой в городе много), скорее кажется, что посредине с самого начала была мощная остекленная арка, – по крайней мере, она должна была там быть! Этой важнейшей деталью зодчий Александр Гречанников дополнил замысел Гранхольма. Арка напрямую отсылает к одному из самых прекрасных вокзальных зданий XX века – парадным воротам финской столицы, созданным архитектором Элиелем

Зеленогорск четырежды становился местом военных действий и в последний раз – в 1944 году – сгорел дотла, тем не менее оба храма уцелели, пускай и лишились первоначальных колоколен, всегда привлекающих варваров, и военных, и штатских.

После окончания Зимней войны 1939–1940 годов, когда город оказался на советской территории, лютеранский храм, лишенный прихожан, обезглавили и ослепили: кинотеатру, который в нем разместили, не нужны были ни высокая башня, ни большое круглое окно на фасаде. Пострадавшая в войну Казанская церковь превратилась, подобно тысячам других русских храмов, в склад. Полуразрушенное здание посреди всесоюзной здравницы казалось неуместным, его подумывали снести, но, согласно легенде, церковь спасли тонкие политические соображения. Говорили, что, если оставить в Зеленогорске все еще узнаваемую кирху-кинотеатр и при этом разрушить православный храм, исчезнет зримый аргумент в споре о том, чья это земля. Чудовищная мысль избавить город сразу от двух церковных зданий, к счастью, не пришла тогда никому в голову. В конце концов одна из немногих православных церквей на Карельском перешейке была приведена в порядок и возвращена верующим, что немного позже произошло и с соседней кирхой.

Оба здания отсылают зрителя к далекому Средневековью, но это обычное для такой архитектуры притворство. Ничего древнего в Зеленогорске нет, и храмы эти не старше XX века. Возведенная перед самой революцией Казанская церковь, пожалуй, смотрится традиционнее, чем соседняя кирха, – XX век для ее строителей словно бы еще не наступил, лютеранский же храм полон предчувствий новой эпохи. Впрочем, зодчий Йозеф Стенбек начинал примерно в одно время и в стиле, похожем на стиль его коллеги Николая Никонова, тоже копируя средневековые образцы. Но затем, под влиянием того, что в Финляндии называют национальным романтизмом, а у нас – модерном, один из крупнейших специалистов в области церковного строительства осовременил свою манеру. Так, круглое окно кирхи, как и более поздних его храмов, уже не походило на готическую розу, но приближало геометрические эксперименты авангарда. Для Никонова наступление нового времени ознаменовалось уходом с поста епархиального зодчего и отъездом из столицы. На прощание он подарил Териоки Казанскую церковь, которой скромность отпущенных средств даже пошла на пользу. Ведь вместо облицовочных кирпичей желто-коричневого цвета, столь любимых в Петербурге (и едва ли похожих на старинные изразцы), здесь использованы обычная штукатурка и побелка, отчего храм оказался гораздо ближе к московским памятникам XVII века, чем многие столичные постройки Никонова.

Саариненом. Мог ли знать о хельсинкском шедевре советский зодчий? Почему бы и нет, ведь он начинал работать еще до революции и, как Гранхольм, всю свою жизнь посвятил возведению станций и вокзалов. Немного позже, чем в Советском Союзе, в Финляндии 1930-х открыли современную архитектуру, стиль, который в этой стране именуют рационализмом. И далекий Териоки не избежал его влияния. Во всяком случае, в городе появились два новаторских здания: кооперативный магазин на главной улице и больница. И то и другое сохранились фрагментарно – вследствие многочисленных перестроек и небрежения. Но при желании нечто авангардное можно разглядеть в них и теперь. Главный зодчий новой Финляндии Алвар Аалто удостоил город своим визитом.

На проспекте Ленина сохранились дома в стиле сталинского ампира

Именно здесь, отдыхая на морском берегу, он занимался проектированием Выборгской библиотеки, но провинциальному городку ничего предложить не смог: вероятно, уже тогда его услуги стоили недешево. Модернизм водворится в городе позднее, в 1960–1980-е годы, сначала благодаря зодчему Сергею Евдокимову и его оригинальному ресторану «Олень» (снесен в 2007-м), а затем – нетиповым жилым домам Натальи Захарьиной, в которых архитектор, по примеру финских коллег, сделала попытку примирить современность с незаурядностью, что удавалось в годы застоя немногим и лишь в экспериментальном порядке. Но ни эксперименты модернизма, ни национальный романтизм начала века не могли дать Зеленогорску главного: хотя бы отдаленного подобия архитектурного центра, ядра, сердцевины. Лишь в период послевоенного восстановления у вновь объявленного города появился такой шанс. Только классицизма, черты которого в архитектуре образовательного учреждения – той самой школы № 445 – столь же естественны, как и отсылки к Средним векам в облике церковных зданий, оказалось явно недостаточно. Его следовало дополнить чем-то еще более традиционным, напоминающим об утраченных недавно дворцовых пригородах Ленинграда: стилем барокко, который один мог справиться с задачей масштабных композиций, раскрытых в бесконечность. Иными словами, помочь созданию градообразующего ансамбля. В парадоксальном обращении к стилю, казалось бы давно отошедшему в прошлое, проявилось не только стремление установить контакт с парком и морем, но и первая и последняя попытка упорядочить облик города. Парковая аллея, в центре которой расположен памятник Ленину, ведет к морю. Другой конец аллеи стремительно взбирается на горку, к лестнице, двумя маршами огибающей цоколь школы, отчего та предстает взору гостей в необычных острях ракурсах, – старинный прием, более подходящий, конечно, дворцовому зданию, чем учебному заведению. В советских городах так мог выглядеть горком или санаторий. Но то, что новым главным зданием Зеленогорска оказалась школа, совершенно необычно! Благодаря эффектной

постановке скромность ее архитектуры не так бросается в глаза: важнее неказистых деталей блестящая подача целого. Ощутимо превосходство этого последнего творения, замкнувшего зеленогорский треугольник, над более ранними церковью и кирхой. Неудивительно, ведь прежние доминанты предназначались для скромной «дачной местности», тогда как творение зодчего Александра Афонченко, руководившего восстановлением Зеленогорска, принадлежит уже к городскому периоду его истории.

В советское время окно кирхи было заложено кирпичом. Во время реконструкции, закончившейся в сентябре 2008-го, его полностью восстановили

Храм Казанской иконы Божьей Матери был построен в память 200-летия завоевания Петром I города Выборга и освящен в июле 1915 года

Почти на том же месте, где в 1951 году был возведен советский храм знаний, до революции находилась старейшая финская школа, основанная в 1882-м

В декабре прошлого года кирха отпраздновала столетний юбилей